

ЗАКЛИНАНИЕ БЕЛОГО ДРАКОНА

Жена была старше его на 20 лет, и он называл ее дочкой. Он не боялся выглядеть сумасшедшим и искал свои пути. Старался быть систематичным и не хотел компромиссов. В нем была поэзия. Тяжелая, неповоротливая и глинистая, как чужая земля. Его звали Павел Филонов. Я не люблю его.

Все, что он делал – это очень депрессивно. Такая напряженная однородная мрачность. В нем очень много есть общего с Платоновым. Тот тоже очень замкнутый, и очень мрачный. Это не смешная исступленная мрачность Достоевского, быстрая, мелькающая, переходящая в фарс; это тяжеловесная плотность наступающего бетона. Сквозь нее даже звук не проходит, и у меня нет слов. Нужно немножко любить даже то, что ругаешь, иначе дыхание жизни ускользнет из рассуждений, и слова будут как пустая обертка, как бесцветные сентенции торопливого обывателя: мелодика, интонация, изобразительность.

Мне кажется, что его картины, вообще его изобразительное творчество, исполнены как будто на одном художественном уровне. Как будто у него тяжелая какая-то болезнь, и эта болезнь всегда одна и та же. Она неизлечима, но не смертельна. В графике это видно сильнее всего. В страстном однообразии линий. Мне кажется, он достиг определенной высоты в своем профессиональном мастерстве, и все картины его – одного качества. Я не знаю, хорошо это или плохо. Это отражение себя в тысяче зеркал. Один и тот же день, повторенный тысячу раз. Где эта грань, за которой божественный дар переходит в проклятье?